

ВАДИМ
КОЖЕВНИКОВ

**МАРТ-
АПРЕЛЬ**

ВАДИМ
КОЖЕВНИКОВ

МАРТ-

АПРЕЛЬ

РАССКАЗЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК 84.Р7
К 58

Художник Эрнест АРОНОВ

К 4702010200—365
083 (02)—86—64—86

ПАВЕЛ ФИЛИППОВИЧ

В мужественном и суровом армейском быту не принято обращаться к воину по имени и отчеству. Сдержанная лаконичность свойственна языку бойца и командира.

А вот его, нашего санитаря, все называли по имени и отчеству — Павел Филиппович. И командир так называл, и комиссар, и бойцы.

И это было высшим знаком почтения к человеку, не имеющему в своих петлицах никаких знаков различия.

Желтый блин лысины, выпуклое брюшко, валкая походка, постоянная добродушная улыбка в маленьких, чуть заплывших глазах свидетельствовали, что строевая выправка не совсем далась ему.

А между тем даже самые матерые фронтовики отзывались о нем как о человеке невозмутимой и дерзкой отваги.

На досуге Павел Филиппович любил рассказывать с воодушевлением о своей амбулатории в селе Малые Кочки, где он собственноручно выкрасил хирургический кабинет цинковыми белилами. И стал от этого кабинет белый, чистый, как фарфоровая мисочка.

Любил Павел Филиппович плотно покушать и выпивал целый котелок чаю с крохотным кусочком сахара.

Недавно произошел с ним такой случай.

В ночь наша часть должна была перейти в наступление.

Бойцы заняли исходное положение. Тяжелая артиллерия разрывала мрак ночи кровавыми полосами огня. Воздух колебался от тяжких взрывов. Черная земля, подымаясь в небо, осыпалась обугленными комьями.

Бойцы сидели в окопах, прижавшись к влажным стенам.

И вдруг в окоп неловко свалился человек. И когда он поднялся, браня свою неловкость, все увидели, что это Павел Филиппович.

Оглядевшись, Павел Филиппович строго спросил:

— Где тут у вас поспать пожилому человеку можно?

Подложив себе под голову свою зеленую медицинскую сумку, Павел Филиппович улегся в земляной нише. И скоро между интервалами канонады все услышали его храп.

На рассвете орудия смолкли. Цепи бойцов поднялись и пошли в штыковую атаку.

Вместе с бойцами был и Павел Филиппович. Полы его шинели были подоткнуты за пояс. Он бежал с озабоченным и серьезным лицом человека, очень занятого, целиком поглощенного своим делом.

И когда мина разрывалась почти рядом, Павел Филиппович, присев на корточки, оглядывался на воронку с таким раздражением, с каким глядел у себя там, в Малых Кочках, на сиделку, когда она, входя в операционную, неосторожно хлопала дверь.

И Павел Филиппович работал. Перевязав раненого, он взваливал его на спину и тащил на перевязочный пункт. При этом лицо его багровело, на лбу появлялись капли пота, он моргал, тяжело дышал. Все-таки возраст давал себя знать.

Но когда он разговаривал с раненым, добродушная, милая улыбка не покидала его лица.

— Голубчик,— сипло и удивленно произносил Павел Филиппович,— да разве это боль? Вот когда зубы болят — это действительно боль.

И, склонившись, Павел Филиппович бережно и ловко бинтовал ослабевшего бойца.

И странно, такая же добродушная, хорошая улыбка появлялась и на помертвевшем лице раненого.

Все дальше и дальше уходили бойцы, расчищая себе путь во вражеских укреплениях.

Все длиннее и длиннее становился маршрут Павла Филипповича от места боя до перевязочного пункта.

Начало смеркаться.

В темном чадном воздухе летали какие-то черные клочья не то пепла, не то жженой бумаги.

Павел Филиппович устал, он был уже без шинели, ворот гимнастерки расстегнут, лицо темное, пыльное.

Он потерял где-то пилотку, сбитую с головы толчком горячего воздуха от близкого разрыва снаряда.

Но по-прежнему на его лице оставалось озабоченное выражение очень занятого человека, немного сердитого на то, что ему мешают спокойно работать.

Павел Филиппович лазил по окопам, заваленным трупами вражеских солдат, заглядывал в каждую воронку и бодро выкрикивал:

— Ребята! Кто по мне скучает? Это я, Павел Филиппович.

Уже совсем стемнело. Красноватая луна плыла в дымном и черном небе. Следы воронок стали похожими на черные круглые колодцы, а толстые деревья с расщепленными наверху стволами походили на пальмы.

Политрук Гостев лежал в ржавой луже воды, вытекшей из разбитого кожуха пулемета.

Павел Филиппович поднял раненого, перевязал и понес его, спотыкаясь в темноте.

Канонада смолкла. С разных сторон слышалась сухая трескотня перестрелки.

И Павел Филиппович заблудился.

Он не знал, в какую сторону идти. Отовсюду слышалась стрельба.

Гитлеровские автоматчики заметили санитаря, блуждающего со своей ношей, и дали несколько коротких очередей.

Павел Филиппович упал.

Когда он очнулся, плечо его болело так, словно кто-то засунул в рану подпилон и шаркал им.

Павел Филиппович с трудом сел, раскрыл свою сумку и вынул оттуда последний индивидуальный пакет.

Застонал политрук. Санитар наклонился над ним и ощупал его окровавленную голову.

Он стал перевязывать голову политрука.

Гостев пытался оттолкнуть его руки — он видел, что Павел Филиппович сам истекает кровью. Но Павел Филиппович, навалившись всем телом на раненого, закончил перевязку.

Стиснув зубы, шатаясь, Павел Филиппович поднялся и, подхватив политрука под мышки, понес его.

Голова горела, в глазах плавали алые пятна. Павел Филиппович не слышал, как фашистские автоматчики стали снова бить по нему частыми очередями трансирующих пуль.

Он шел, зажмурившись от дикой боли, не выпуская политрука, шел, пока не упал.

Очнувшись, Павел Филиппович увидел над головой чистое звездное небо. Мимо его лица скользили кусты, а под ними находилось что-то живое, теплое.

Это раненый политрук тащил на себе Павла Филипповича.

Но разве настоящий санитар позволит, чтобы его, раненого, нес другой раненый?

Павел Филиппович, побеждая слабость, сполз со спины политрука и взвалил его себе на спину.

Когда, проваливаясь в тьму обморока, он терял силы, перед ним вдруг появлялся кусочек неба. И тогда он снова пробуждался, замечая, как высокая трава скользит мимо его лица.

И так продвигались они, изнемогая, истекая кровью, поочередно впадая в забытие, поочередно неся друг друга.

В госпитале койки Павла Филипповича и политрука Гостева поставили рядом.

Но, видно, медики не умеют себя вести в этом учреждении, как приличествует раненым. Павел Филиппович частенько ссорился с персоналом, так как хотел ухаживать за ранеными сам.

ДАНИЛА

В позапрошлом году колхозники вырыли пруд. Плотины обсадили березами. На две тысячи рублей купили мальков. И в пруду развели зеркальных карпов.

Данилу назначили сторожем пруда. Он полол водоросли, чистил русла студеньих ключей, впадающих в водоем, подкармливал рыбу отрубями.

Колхоз получил с пруда одиннадцать тысяч рублей дохода. Данилу премировали патефоном. Он зазнался и запретил женщинам полоскать в пруду белье. Целые дни Данила ковырялся в воде, полуголый, облепленный тиной и водорослями. Лунными вечерами он разгонял парней, гулявших с гармошкой возле пруда.

— Рыбе покой нужен! — кричал Данила. — Карп, он, как свинья, нервный.

И вот узнали все: близко враг.

Колхозники погрузили свое добро на подводы, и длинные вереницы телег потянулись по расквашенной осенней слякотью земле. Председатель не смог уговорить Данилу уехать. Когда все ушли, Данила поднялся с печи, проковылял по осиротевшему колхозу, поднялся на дамбу, сел там у кривой березы и долго курил, глядя на сверкающую небом воду.

Отряд гитлеровцев расположился в колхозе. Данилу допросили и после не трогали. Посылали рыть картошку, таскать солому в хаты для ночевки солдатам. И побили всего только два раза. Один раз потому, что не снял вовремя шапку перед офицером, другой раз за то, что надел полушубок, хотя на вопрос, есть ли у него теплые вещи, сказал «нет».

Как-то в колхоз пришла танковая колонна. Машины поставили за прудом в балке и замаскировали. Данила сверху, с дамбы, наблюдал, как расставали тяжелые машины, и его морщинистое, старое лицо оставалось равнодушным.

Вечером он пришел в хату, где поселился офицер, и, сняв шапку, сказал:

— Если ваше благородие желает рыбки, то я могу предоставить.

Офицер сказал:

— Карашо.

Ночь была темная. Данила пришел на дамбу со снастью, завернутой в холстину. Отдохнув, он спустился по другую сторону дамбы с лопатой в руках и, поплевав на ладони, принялся подрывать насыпь.

На рассвете из балки слышались крики немецких танкистов, выстрелы. И когда на помощь им сбежались караульные, балка была полна темной водой, а на поверхности плавали немецкие танкисты, вызывая о помощи.

Данилу нашли у пустого, теперь безводного, пруда. Он сидел, обессиленный, возле кривой березы и курил. Лопата лежала рядом.

Офицер приказал расстрелять Данилу. Его поставили спиной к березе. Глядя пристально в глаза офицеру, Данила серьезно спросил:

— А как же насчет рыбки, ваше благородие? Я же ее на ваш аппетит наготовил,— и кивнул головой в сторону пруда, где в жидкой тине билась, засыпая, тяжелая рыба.

Офицер выстрелил и промахнулся. Данила вытер о плечо кровь с рассеченной пулей щеки, ясно улыбнувшись, посоветовал:

— Чего торопитесь? Может, меня лучше повесить? Я бы тебя обязательно повесил, чтоб ты ногами землю шкреб, чтоб ты...

Данилу сбросили вниз с дамбы. Он лежал в тине лицом вниз, и возле его широко раскинутых рук, как золотые скользкие слитки, трепетали засыпающие зеркальные карпы.

ПЯТЫЙ НОМЕР

— Все люди как люди: воюют, в атаки ходят, фашиста от всей души самостоятельно бьют, только я один какой-то неопределенный товарищ.

Первый номер, недавно назначенный первым номером и потому еще очень гордый, принимая патроны от ротного подносчика боеприпасов Степана Сидоренко, так ответил на его жалобу:

— В армии все должности почетны. Но, во-первых, у каждого человека есть к чему-нибудь способность, и он должен ей соответствовать. Во-вторых, всего можно достигнуть. У меня, например, высшее стрелковое образование. Любой расчет в уме без линейки произвожу. И мой номер первый. А ты вроде как пятый.

Сидоренко, собирая стреляные гильзы в мешок, печально огрызнулся:

— Хоть и пятый, но без меня вам не обойтись.

Заложив ленту, первый номер дал по противнику франтоватую очередь. Два патрона — интервал, два патрона — интервал. Потом, оглянувшись через плечо, степенно заметил:

— Человек ты необходимый, точно.

Сидоренко вздохнул, взвалил себе на плечи мешок и пополз обратно.

Земля покрыта снегом, сухим, чистым, почти голубым.

Сидоренко легко скользит по пушистому покрову, а когда впереди него снег взмывается серебристой пылью от пулеметной очереди, он сползает в выбоину или прячется за бугорок и ждет, высматривая, в какое место ляжет новая трасса.

Он давно уже привык к тому, что немецкие снайперы охотятся за ним. Научился обманывать их, научился точно предугадывать огневой маневр врага. Точно знал, где нужно проползти, как говорится, почти копая носом землю, или быстро перебежать, согнувшись в три погибели. Весь маршрут свой он изучил так, как иной человек не знает своей

улицы. В особенно гибельных и опасных местах он готовил себе ночью ямки, чтобы можно было передохнуть.

Сидоренко считали хорошим подносчиком боеприпасов, и пулеметчики, которых он обслуживал, были всегда уверены, что Сидоренко никогда не подведет и, как бы сильно ни простреливалась местность, доставит боеприпасы вовремя.

Но Сидоренко было двадцать лет. У него было толстое доброе лицо и горячее сердце. Каждый раз, жалуясь на свою судьбу, он невольно навлекал на себя веселые насмешки приятелей. И те трунили над ним, называли его «пятым номером», хотя каждый отлично знал, что Сидоренко бесстрашный человек и замечательный подносчик.

В пункте боепитания, выдавая ящик патронов, сержант сказал однажды Сидоренко:

— Ты бы, Степа, попросил командира, чтобы он тебе пару черепашек из Москвы выписал,— в гужевой упряжке боеприпасы возить, вроде танкеток на малом ходу. Только вот погонять их нечем. А так подходящее животное вполне.

Сидоренко сердито ответил:

— А ты бы, Владимиров, хоть бы фартук на себя надел. А то товар отпускаешь, а виду настоящего нет. И вывеску закажи.

Сержант побагровел и не нашелся, что ответить.

Ползти обратно Сидоренко пришлось труднее: фашисты открыли сильный минометный огонь.

Сидоренко метался от воронки к воронке. Прижавшись к еще теплой после разрыва земле, он намечал себе ближайший пункт для перебежки. Поправив на спине ремни, поддерживающие ящик с патронами, он снова на четвереньках бросался вперед.

В интервалы между минометными разрывами по нему сухо били из автоматов снайперы. Пуля разрезала ремень, и Сидоренко полз теперь, толкая ящик впереди себя.

Случилось так, что пулеметчики были вынуждены перенести огневую позицию, а фашисты выбросили вперед автоматчиков для уничтожения огневых точек. Сидоренко, не зная того, пробирался к пустому месту, куда навстречу ему ползли и вражеские автоматчики.

Когда первый номер заметил черную точку на снегу, он догадался, что это Сидоренко, а увидев приближающуюся навстречу подносчику цепочку автоматчиков, понял, что подносчик обречен.

Открыв фланговый огонь, первый номер приказал второму номеру сообщить отделенному о бедственном положении Сидоренко.

Отделенный командир сказал командиру взвода, что потерять такого драгоценного человека, как Сидоренко, невозможно, и получил разрешение атаковать отряд автоматчиков.

Автоматчики, увидев красноармейцев, бегущих на них, запросили огневой поддержки. Застучали немецкие станковые пулеметы.

Командир взвода запросил командира роты. Рассказав обстановку, он заявил, что оставлять на погибель лучшего подносчика невозможно. Ротные минометчики, выдвинувшись вперед, открыли огонь по немецким пулеметам. Заговорили немецкие минометы. Командир роты запросил командира батальона, и артиллеристы открыли огонь по немецким батареям.

Воздух гудел. Черная земля и желтые перья щепок от разбитых вражеских блиндажей вздымались в небо.

Наши поднялись и перешли в атаку.

К вечеру бой стих.

Часть, заняв новый рубеж, наскоро чинила разбитые немецкие укрепления, устанавливала орудия.

На рассвете в блиндаж майора позвонил командир полка. Поздравив с хорошо проведенным боем, он спросил, удалось ли выручить подносчика боеприпасов Сидоренко. Майор запросил об этом командира роты. Командир роты вызвал командира взвода. Взводный послал связного к отделенному. Отделенный сказал, что сейчас выяснит, и пошел к бойцам.

И он нашел Сидоренко. Сидоренко сидел в окопе рядом с первым номером, недавно назначенным первым номером и еще гордым поэтому, и сердито говорил ему:

— Как ты мог сомневаться и Плюшкина из себя строить, когда тебе по фашисту нужно было хлестать и хлестать? Если бы тебе кто другой боеприпасы носил, тогда сомневайся, экономь. Адрес переменили — ну так что ж! На снегу написано колесами, куда отошли. Что я, безглазый, что ли? Нашел же сразу.

— А автоматчики?!

— Ну так что ж! — сказал Сидоренко раздраженно. — Я на этой местности как у себя дома или в тире. Им прятаться некуда. Мне же пострелять — удовольствие. В кой раз пришлось повоевать по-человечески! А то все на брюхе и на брюхе.

— Ну как, все в порядке, товарищ Сидоренко? — спросил отделенный командир.

— Так точно, — вытягиваясь, отрапортовал Сидоренко. Потом извиняющимся тоном добавил: — А что касается моей задержки в связи с фашистами, так я пострелял самую малость, чтобы освежиться. Но перебоев в снабжении не было. Товарищ первый номер может подтвердить.

Через пять минут командиру полка было доложено, что подносчик боеприпасов Степан Сидоренко цел и невредим.

— Очень хорошо, — сказал командир полка. — Бойцов нужно беречь.

НА ТЯЖЕЛОМ БОМБАРДИРОВЩИКЕ

Комиссар сказал:

— Наши ночники летают в любую погоду. По существу, нелетной погоды для нас нет. Вот сейчас луна. Штурманы ее любят. А летчики ненавидят больше, чем прожекторы неприятеля. Так что судите сами, хорошее ли время вы выбрали для полета. Но если вы настаиваете — не возражаю, потому что, хотя мы и летаем вслепую, писать о нас вслепую нельзя...

Итак, мы получили разрешение на полет.

Гигантская машина с чудесной и непонятной легкостью оторвалась от земли.

Внизу земля. Она ни на что не похожа. Не то это озеро, покрытое рябью, не то сплошное поле, изборозженное колеями. И все это дымится облаками и туманами, измазано тенями. Все это для штурмана считается «хорошей видимостью». Он работает у себя в кабине с таким спокойствием, словно он в кабинете.

Внезапно ослепительный свет прожектора ударил в кабину. Прожектор — глаз зенитки. Но штурман посылает ракету, и прожектор гаснет. Мы — свои, над своим городом.

Наш корабль продолжает путь. Он должен, достигнув линии фронта, бомбить скопления войск противника в районе Западной Двины. Но как распознать реку, когда мы минуем их одну за другой, покрытые туманом, смешанным с облаками.

Штурман дотрагивается до плеча и показывает на карту, а потом вниз. И мы начинаем различать там, на земле, белую узкую тропинку, которая называется Днепром. Самолет идет точно по курсу.

Мы в облаках. Леденящая сырость покрывает окна, одежду. Вот так и начинается обледенение. Летчик сбрасывает высоту и выныривает из облаков.

Впереди внизу мерцают условленные сигналы. Это три костра, выложенные на нашем берегу реки. А на том берегу, где враг, пылают четыре других костра, четыре очага пожара, — это фашистская сволочь зажгла наши деревни.

Внизу расстилается зрелище ночного боя. Земля выстлана огненными тропами летящих снарядов, вспыхивают разрывы, мигают и гаснут пулеметные очереди.

Разворот на цель. Мы у бомбовых люков. Самолет медленно парит в воздухе над целью. Тяжелые бомбы летят вниз. И там вздымаются груды дыма. Видно, как огромные лужи огня, ширясь, растекаются по темной земле.

Внезапно красные огоньки стали карабкаться нам навстречу. Это бьет зенитная пушка. Корабль наплывает на нее все ближе. Две бомбы — и пушечные огни погасли.

Задание выполнено. Все бомбы сброшены. Даже тара из-под мелких авиабомб — пустые ящики — сброшена вниз. Авось кого-нибудь еще пристукнет!

Мы возвращаемся домой, на свой аэродром. Летчики сказали бы кратко, как они обычно говорят:

— Вылетели, отбомбились, вернулись.

Три слова. Но за этими тремя словами — подлинный героизм, совершенное искусство пилотов, непоколебимая прямая штурманской выкладки, безупречное мастерство борттехников, зоркость стрелков и необыкновенная слаженность всего экипажа. Мы видели в этом полете работу командиров кораблей — капитана Филина, старшего лейтенанта Степанова, штурманов — капитанов Климова и Чистякова и их славных экипажей. Вчера их наградили орденами боевого Красного Знамени, сегодня они в воздухе. Они живут в воздухе, они любят его.

На земле они только отдыхают и готовятся к следующему полету. В любую ночь. В любую погоду. По любому заданию.

БЕССОННИЦА

Днем он обычно спит. К вечеру оживляется. Разложив на земле газету, он чистит оружие.

В деревянном самодельном пенале аккуратно уложены запалы.

Брезентовый пояс, похожий на спасательный пробковый, начинен несколькими килограммами взрывчатых веществ.

Действительно, лучше не курить, находясь рядом с таким собеседником.

Ему приходится таскать на себе здоровенную тяжесть.

А гранаты? Он обвешивает ими себя, как плодовое дерево в урожайный год.

— Удобная штука.— Он показывает сумку, набитую синими рубчатыми «лимонками».

А я думал — в ней консервы.

Приладив на себе свое имущество, он подпрыгивает и прислушивается, не бренчит ли снаряжение.

Почему-то сердито объясняет:

— Мне шуметь нельзя. Я тихо себя вести должен.

Одет он строго по форме. Только на локтях и коленях подшиты брезентовые заплаты.

— Чтобы, когда ползешь в грязи, в сырости, не так промокало. У меня ревматизм.

— Но почему вы не наденете штатское? Меньше же риска.

Он резко повернул ко мне свое лицо, худое, темное, с гневными глазами.

— Я боец Красной Армии. И если поймают, я хочу умереть с честью.— И тихо добавил: — Нашего брата они очень некрасиво мучают. А в этой одежде я себя, в случае чего, лучше буду чувствовать.

У него совсем молодое лицо, а голова седая.

— Спокойной ночи,— говорит он мне и уходит своей бесшумной поступью.

В темном лесу глухо стучит артиллерия, как огромная кузница. В небе вспыхнула не то падающая звезда, не то ракета.